А.Н.Ужанков

К ВОПРОСУ О ВРЕМЕНИ НАПИСАНИЯ "СКАЗАНИЯ" И "ЧТЕНИЯ" О БОРИСЕ И ГЛЕБЕ

Прежде чем приступить к рассмотрению вынесенной в название статьи проблемы, я бы хотел сделать два предварительных замечания.

Первое. Любая претендующая на продвижение в разрешении давней проблемы работа обязана иметь хотя бы сжатый обзор литературы по теме. Но почти за два с половиной столетия, с тех пор как впервые была предпринята попытка датировать "Сказание о Борисе и Глебе" /"Съказание и страсть и похвала святую мученику Бориса и Глеба"/ и Несторово "Чтение о Борисе и Глебе" /"Чтение о житии и о погублении блаженную страстотерпца Бориса и Глеба"/, накопилась столь обширная литература, что даже самый сжатый ее обзор превысил бы объем моей статьи в несколько раз. В силу этого обстоятельства, и полагаясь также на достаточную осведомленность читателя в истории вопроса, сведем историографию к минимуму и будем рассматривать основные и существенные исследования по теме в соответствующих местах.

Второе. "Житие" святого /или святых/ не создавались по наитию сочинителя, исходя из одного его желания. Наоборот, принимаемые автором "Жития" на себя обязательства по его написанию были христианским послушничеством, оказанной автору честью.

"Житие" является обязательным компонентом службы святого, и писалось не позднее времени официальной канонизации святого, и, как правило, было приурочено к ней.[I] Это в полной мере относится и к одному из рассматриваемых в этой статье сочинений, написанном в соответствии с православным житийным каноном. Поэтому "Житие" нельзя воспринимать просто как литературный памятник оп-

ределенной эпохи, но как специфический жанр христианской литературы, появление которого обусловлено официальной канонизацией святого, а в нашем случае - святых. Следовательно, одним из главных факторов в датировке канонического "Жития" Бориса и Глеба /какое из двух названных в заглавии статьи сочинений подпадает под это определение, выясним ниже/ является установление времени канонизации святых, ибо, повторюсь, позднее официально признанной канонизации святых, житие возникнуть не могло. На эту связь исследователи не обратили должного внимания, хотя о ней писал еще Е.Е.Голубинский.[1] Возможно, это вызвано тем обстоятельством, что до сих пор точно не установлено время официальной канонизациии Бориса и Глеба. Хотя именно оно и может пролить свет на историю создания "Сказания" и "Чтения" о Борисе и Глебе. Вот почему рассмотрение вопроса о времени официальной канонизации Бориса и Глеба занимает в статье значительное место.

С него-то и начнем.

Для начала вспомним основные выводы занимавшихся этой проблемой ученых и расположим их, ради удобства сравнения, не в порядке высказывания, а хронологически, по времени предполагаемой канонизации святых.[x)]

По мнению А.А.Шахматова, причисление Бориса и Глеба к лику святых связано с актом перенесения тела Глеба с берега р.Смядыни в Вышгород и погребения его в церкви Св.Василия.[2]

[x)] Более обстоятельный историографический обзор см. в кн.: Х о р о ш е в А.С. Политическая история русской канонизации /[illegible]-XУI вв./. - М., 1986.- С.15-20.

Другой дореволюционный исследователь-В.Васильев - также усмотрел в этом событии свидетельство канонизации князей, но не ограничил процесс одним только 1020 г. и раздвинул его хронологические рамки до 1039 г., увязав канонизацию святых с пастырской деятельностью митрополита Иоанна /1020-1039/.[3x]

Историк русской церкви Макарий полагал, что празднование памяти Бориса и Глеба 24 июля началось вскоре после сооружения в 1021 г. в Вышгороде первой церкви во имя Бориса и Глеба.[4]

Близка этим взглядам точка зрения Г.Федотова.[5]

М.Д.Присёлков высказал предположение о канонизации Бориса и Глеба в 1026 г., когда кн.Ярослав построил взамен сгоревшей церкви Василия, в которой до пожара покоились тела князей, новую церковь специально для гробниц святых.[6] Перенесение мощей, как оно описано в "Съказании о чюдесехъ святою страстотърпьцю Христову Романа и Давида"/князья названы своими христианскими именами/, было пышно обставлено:"И шьдъше съ хрьсты Иоанъ митрополитъ, и князь Ярославъ, и вьсе поповьство, и людие, и пренесоша святая, и цьрьковь (о)святиша, и уставиша праздьникъ праздьновати месяца иулиа въ 24: вьньже дьнь убиенъ преблаженый Борисъ, въ тъ же дьнь и цьркы (о)священа, и пренесена быста святая".[7]

Описанные торжества, а главное - приводимые в рассказе чудеса, происходившие у мощей князей, действительно могут быть восприняты как доказательство факта наличия уже в ту пору чина почитания святых церковью. Именно на этом основании строит свои рассуждения Е.Е.Голубинский.[8]

---

[x]В настоящее время митрополичья деятельность Иоанна I в Киеве датируется 1008-1035/36/ гг.

Д.С.Лихачев, отталкиваясь не от какой-то конкретной даты, а основываясь на оценке политической ситуации во времена княжения Ярослава Мудрого, предположил,что канонизация первых русских святых произошла вскоре после 1037 г.:"В 1037 г. Ярослав Мудрый добился учреждения в Киеве особой митрополии константинопольского патриархата. Назначение особого митрополита для молодого Киевского государства было немалым успехом Ярослава, поднимавшим международный престиж Русской земли.⟨...⟩ Сразу же после 1037 г. Ярослав продолжал свои домогательства в Константинополе, добиваясь расширения прав русской митрополии и постепенного освобождения ее из-под опеки Константинопольского патриарха и византийского императора. Для этого Ярослав стремится к канонизации ряда русских святых.⟨...⟩Канонизация русских святых усиливала позиции русской церковной самостоятельности. Она должна была свидетельствовать о том, что русская церковь вышла из младенческого состояния, обладает собственными святынями и не нуждается в пристальной опеке Византии.⟨...⟩Ярославу удалось добиться канонизации своих братьев князей Бориса и Глеба (а где тому доказательства?- А.У.) и тем самым увенчать ореолом святости и свою собственную княжескую власть."[9]

К 40-м годам XI в. относит канонизацию Бориса и Глеба В.В.Кусков, также связывая ее с усилиями Ярослава Мудрого.[10]

Все выше перечисленные предположения /быть может, только за исключением гипотезы Е.Е.Голубинского/ не являются результатами специальных исследований, а высказаны мимоходом при рассмотрении иных проблем. Поэтому на их фоне более весомой выглядит аргументированная гипотеза, согласно которой Борис и Глеб причислены к лику святых только в 1072 г./или в скором времени после него, но не ранее/, когда мощи князей из деревянной церкви были торжест-

венно перенесены Ярославичами в новую каменную. Она отстаивается в работах М.К.Каргера, Н.Н.Ильина, М.Х.Алешковского, А.С.Хорошева, уже непосредственно изучающих затронутую нами тему.[11]

Обращает на себя внимание наметившаяся закономерность: в более поздних по времени проведения исследованиях указывается /и отстаивается/ более позднее время канонизации святых - не ранее 1072 г. И если в названных первыми работах заключения выводились из общих рассуждений, основанных на принципе "так могло быть", то в последних уже предпринята попытка обосновать предположения с помощью исторических, археологических и литературных фактов.

Столь растянутый /на пятьдесят лет!/ диапазон предполагаемого времени канонизации Бориса и Глеба - с 1020 по 1072 гг. - порождает сомнения в правильности выбранного подхода к разрешению проблемы.

Все без исключения исследователи при определении времени причтения к лику святых Борича и Глеба отталкивались от конкретных исторических событий, послуживших, якобы, причиной канонизации: перенесения мощей князей-братьев в 1020/21/ или 1072 гг., строительстве новой церкви, политики Ярослава Мудрого или его сыновей, и тому подобных.

Эти события, несомненно, играли свою роль в процессе формирования культа святых, поскольку подготавливали саму канонизацию, но не были ее причиной. Ошибочное восприятие их как причины закономерно приводило к неправильным выводам относительно времени официальной канонизации, поскольку оно отождествлялось с конкретными датами торжественных церемоний перенесения мощей страстотерпцев.

В то же время, существовала единственная причина по которой праведника могли причислить к лику святых - сугубо религиозная.

Поэтому проблему, кроющуюся за чисто религиозным актом, необходимо, мне кажется, рассматривать с чисто религиозных позиций.

Так вот, существовали вполне объективные, с точки зрения церкви, основания для причтения праведника после его смерти к лику святых. Главное из них - прославление подвижника благочестия Божьим даром чудотворений, исходивших от его мощей, то есть, сакральное подтверждение его святости.[12] На долю же верховной власти - князя и церковного клира - выпадало удостоверение этих чудотворений, совершаемых у гроба.[13]

Ко времени принятия Русью христианства в Византии уже установился специальный чин акта канонизации святых, перенятый затем и русской православной церковью, сохранившей, как известно, зависимость от византийской церкви, которая в окончательном итоге и утверждала канонизацию новых святых.

Игнорирование правил канонизации и привело, на мой взгляд, ко многим ошибочным выводам ученых, исходивших в своих рассуждениях не из церковного канона, а из "политической обстановки" или иных субьективных факторов.

К чему же сводился канонизационный процесс?

Сошлюсь при его рассмотрении на авторитет Е.Е.Голубинского, доктора церковной истории:"Производство дела о причислении к лику святых... состояло в том, что подлежащей власти, если она не была очевидицей чудес, совершавшихся при гробе какого-либо подвижника благочестия, доносимо было о сих последних и что власть так или иначе удостоверялась в справедливости донесения.

Само причтение к лику святых состояло в том, что в день успения святого или день открытия его мощей или же в оба дни назначалось ежегодное церковное празднование его памяти.

Для празднования памяти святого нужна была служба ему, а рав-

но требовалось, чтобы написано было /существовало/ и его житие... /подчеркнуто мною - А.У./.

Самый чин или самое празднество причтения к лику святых или канонизации состояло в том, что в назначенный день совершаемо было в храме, в котором, под которым или близь которого находились телесные останки или мощи усопшего подвижника, торжественное богослужение более или менее многочисленным собором нарочно созванного окрестного духовенства с представителем подлежащей власти или с самою властью во главе и в присутствии нарочито оповещенного и приглашенного мирского окрестного населения."[14]

Самой лучшей иллюстрацией сказанному, казалось, могли бы служить описания в "Сказании" и "Чтении" торжеств по перенесению мощей Бориса и Глеба Ярославом Мудрым; в 1072 г. его сыновьями Изяславом, Святославом и Всеволодом; в 1115 г. уже внуками Ярослава - Владимиром Всеволодовичем и Олегом Святославичем...

Но они никак не помогают ответить на вопрос, когда же именно Брис и Глеб были канонизированы: при Ярославе, при его детях, или при его внуках? И даже усложняют его поиск, ведь день памяти святых в каждом случае отмечался и устанавливался разный: 24 июля /день гибели Бориса/, 20 мая и 2 мая /дни перенесения мощей святых/. То есть, речь идет о разных праздниках, внесенных и в синодик. С которым же из них связана канонизация, и для службы в который из этих дней писались имеющиеся жития святых?

На первый взгляд, рассказы из обоих памятников о торжествах 24 июля, связанных с перенесением мощей князей в выстроенную Ярославом Мудрым в честь своих братьев церковь, вполне соответствует описанному Е.Е.Голубинским чину причтения к лику святых. Более того, в дошедших до нас двух служебных минеях XI-XII вв. сохранилась служба святым Борису и Глебу на 24 июля, приписываемая

митрополиту Иоанну I /1008-1035(6)/,[15] То есть, вполне можно говорить о <u>начале</u> процесса сложения культа святых Бориса и Глеба, но пока как местночтимых, а не общерусских и принятых Византией.[16]

Для повсеместно чтимых святых необходимо было их житие /см. выше/, а при Ярославе Мудром оно не составлялось.

Археографическое же исследование церковной службы святым Борису и Глебу на 24 июля позволило Д.И.Абрамовичу заключить, что "на первых порах, судя по древнейшим спискам службы митрополита Иоанна, день памяти свв. Бориса и Глеба был одним из "малых" праздников /"святые со славословием"/; потом отнесен был к "средним" праздникам, обозначаемым в богослужебных книгах знаком креста /святые с полиелеем/ и наконец к тем "средним", которые имеют знак креста в полукружии."[17] То есть, история службы святым Борису и Глебу на 24 июля подтверждает высказанное мною предположение о сложении при Ярославе Мудром первоначального культа Бориса и Глеба как местночтимых /в Вышгороде/ святых, а не общерусских.[x]

В определенной степени подтверждением такого положения может служить молчание о первых русских святых тех древнерусских произведений 30-40-х годов XI в., которые затрагивают проблемы русской церкви. Прежде всего, это "Память и похвала Владимиру"мниха Иакова и "Слово о Законе и Благодати" Илариона.

При известной антивизантийской направленности "Слова о Законе и Благодати" его автор не воспользовался весомым аргументом в своих рассуждениях о христианском благочестии Руси и ее праве на ав-

[x] Прав, отчасти, А.С.Хорошев, отметивший, что"гипотетические предпосылки к оформлению борисоглебского культа /как общерусского, а не местного - А.У./ и в 1020 г., и в 1035 г. у Ярослава имелись, однако они не были подкреплены организационной самостоятельностью Киевской митрополии."[18]

тономию от Константинополя. Воздав хвалу Ярославу Мудрому, Иларион и словом не обмолвился о его стараниях по канонизации Бориса и Глеба, не упомянул и их самих, как первых русских святых и покровителей Руси, ибо, скорее всего, тогда, при Ярославе, его усилия не дали ожидаемых результатов: Византия не пошла на канонизацию невинноубиенных русских князей и не признала святыми кровных братьев Ярослава.

На этот существенный факт уже обращали внимание исследователи.[19]

Когда же русские письменные источники стали называть Бориса и Глеба святыми? Никто прежде не задавался этим вопросом, а мне кажется, что ответ на него поможет решить стоящую перед нами проблему.

Древнерусские писатели - православные верующие, в большинстве своем - священники и монахи. И для них упоминание первых русских святых имеет особый смысл, подчеркивает достоинство русского христианина. Поэтому можно предположить, что сразу же после официальной /т.е. признанной и византийской церковью/ канонизации Бориса и Глеба, это событие нашло отражение в древнерусской литературе. И раз их не упоминают "Похвала" Иакова и "Слово" Илариона, то, значит, официального признания святыми Бориса и Глеба в то время еще не было.

Обратимся к основному нашему историческому источнику - "Повести временных лет" и посмотрим, когда в ней Борис и Глеб стали называться святыми.

В летописной повести под 1015 г. сказано:"блаженый Борисъ венець приимъ от Христа Бога съ праведными, причеться съ пророкы и апостолы, с ликы мученичьскыми водваряяся..., воспевая съ ангелы и веселяся с лики святыхъ",[20] то есть, попал в рай к праведникам, но во всей статье ни разу не назван святым. Также и Глеб, который

по кончине "прия венець, вшедъ въ небесныя обители",[21] в то же время, как его убийцы возвратились к Святополку, как "грешници въ адъ".[22] Правда, нужно подчеркнуть, что летописец отметил проявившийся у них дар чудотворений: поскольку они "с верою даета ицеленье: хромым ходити, слепымъ прозренье, болящим целбы, окованым разрешенье, темницам отверзенье"[23] и т.д. То есть, уже автором статьи 1015 г. был положен первый камень в основание их святости.[x]

Однако, до статьи 1072 г. о перенесении мощей Бориса и Глеба в выстроенную Изяславом Ярославичем церковь, "Повесть временных лет" их больше не упоминает, и только в этой статье впервые сказано о князьях как святых:"Пренесоша святая страстотерпця Бориса и Глеба".[24]

Означает ли это, что к 1072 г. князья были причислены к лику святых? Отнюдь нет, поскольку статья, содержащая это утверждение, была написана и внесена в летопись только после 1115 г. В этом легко убедиться.

Прежде всего, обращают на себя внимание следующие слова ее автора:"Совокупившеся Ярославичи: Изяслав, Святослав, Всеволод; митрополит же тогда бе Георги...", а так же предпоследняя фраза:"И бе тогда держа Вышегород Чюдинъ, а церковь Лазорь."[25]

Дважды употребленное автором выражение "бе тогда" указывает, что писалась статья спустя время, как минимум, после 1088 г., по-

[x] В данном случае я опускаю вопрос о времени написания этой статьи, поскольку заметно влияние на нее житий Бориса и Глеба. Однако для меня важно здесь подчеркнуть, что составитель "Повести временных лет" начала XII в., зная уже не только об общерусском почитании святых, но и признании их Византией /см. ниже/, не дерзнул раньше времени назвать их святыми. То есть, что существенно, можно в определенной степени говорить об элементе достоверности в первом упоминании Бориса и Глеба как святых.

скольку только в 1088 г. в жизни вышгородского священника Лазаря произошли изменения, и он стал игуменом Выдубицкого монастыря, а затем, в 1105 г. - епископом Переяславля-Южного.[26]

Когда же именно? Установить время ее написания помогает "ошибка" автора в указании числа месяца описываемых торжеств. В статье указывается 2-е мая, а на самом деле торжества происходили 20-го мая /см. "Чтение" Нестора и древний месяцеслов/. Это не простая описка переписчика спутавшего буквы "како" /20/ с "веди" /2/, а влияние аналогичного события - перенесения мощей Бориса и Глеба уже при Владимире Мономахе в 1115 г., происходившего как раз 2 мая. Стало быть, автор статьи 1072 г. уже знал об этом перенесении мощей святых в 1115 г. Важно отметить, что ни в списках "Повести временных лет", ни в "Сказании о чудесах" - заключительной части "Сказания о Борисе и Глебе", также рассказывающей об этих событиях, нет "обратной" ошибки - датировки торжеств 1115 г. 20-м мая!

Следовательно, статья 1072 г. "Повести временных лет" дошла до нас в обработке второго составителя летописи, работавшего после 2 мая 1115 г., скорее всего, как увидим ниже, игумена Выдубицкого монастыря Сильвестра.

Следующее упоминание имен Бориса и Глеба приходится на 1086 г. В статье под этим годом рассказывается о гибели князя Ярополка. Он был вероломно убит Нерадцем, и автор замечает, что ранее "блаженный князь" просил Бога дать ему смерть, "якоже двема братома моима, Борису и Глебу, от чюжю руку, да омыю грехы вся своею кровью"[27] и т.д. То есть, Борис и Глеб не названы и здесь святыми, хотя такое определение у летописца было, как говорится, на кончике пера, ибо:"въсприя /кн.Ярополк - А.У./ благая она, их же око не виде, ни ухо услыша, ... еже уготова Богъ любящимъ Его."[28]

И только, наконец, в статье под 1093 г., говоря о битве с половцами и трагедии на Стугне, автор замечает, что случилась эта беда "месяца иуля въ 23. Наутрия же въ 24, въ святою мученику Бориса и Глеба, бысть плачь великъ в граде." [29] И чуть ниже еще более важное для нас замечание: "...якоже ся створи в се лето первое зло на Възнесенье, ...второе же въ праздникъ Бориса и Глеба, еже есть праздникъ новый Русьскыя земля." [30] /Подчеркнуто мной -А.У./

Совершенно очевидно, что если бы праздник установился для всей Русской земли в 1020 или 1021 гг., или даже в 1035 г. при Ярославе Мудром, то спустя 70 или даже 58 лет, то есть, в третьем поколении, он уже не мог быть "новым праздником в Русской земле"! Да даже если бы он был установлен и в 1072 г., то есть, спустя 21 год, он уже был бы не такой уж и новый - целое поколение людей выросло. И кто не давал летописцу сообщить об этом в свое время? К тому же, если вести отсчет от 1072 г., то нужно говорить о дне памяти Бориса и Глеба 20 мая, когда было осуществлено перенесение их мощей, а не 24 июля - дне памяти Бориса.

Исходя из такого расклада и опираясь на упоминание имен Бориса и Глеба как святых в "Повести временных лет", можно предположить, что канонизация Бориса и Глеба произошла после 1086 г. но до 1093 г., и в 1072 г. Борис и Глеб еще не почитались общерусскими святыми.

На это указывает и одно важное обстоятельство /отмеченное тремя источниками: статьей 1072 г., "Чтением о Борисе и Глебе" и "Сказанием о Борисе и Глебе"/, что присутствующий при вскрытии в 1072 г. гробниц Бориса и Глеба митрополит-грек Георгий "бе бо нетвердъ верою к нима". И только удостоверившись в нетленности и благоухании их мощей /немаловажный факт при канонизации/ прославил Бога и просил прощения за свое неверие. При этом акте присут-

ствовал многочисленный клир и три князя - Изяслав, Святослав и Всеволод Ярославичи. То есть, торжества происходили в строгом соответствии с церковным каноном.

Однако, освещение этого события в трех источниках - летописной статье 1072 г., "Сказании" и "Чтении" - разное. И различие взглядов авторов на происходящее позволяет определить как тех, чьи интересы они выражали, так и время работы над этими сочинениями.

Итак, собрались в мае 1072 г. Ярославичи: составили свод законов - "Правду Ярославичей" - и приняли участие в торжественном перенесении мощей блаженных страстотерпцев Бориса и Глеба в новую церковь, построенную Изяславом в Вышгороде. Первыми взяли мощи Бориса, покоившиеся в деревянной раке /немаловажная деталь/. Перенесение сопровождал крестный ход во главе с митрополитом Георгием. В новой церкви раку открыли и все помещение наполнилось благоуханием, укрепившем веру в блаженных митрополита Георгия. Поцеловав мощи Бориса переложили их в каменную раку.

После этого взяли мощи Глеба, находившиеся и до этого в каменной раке /тоже важная деталь/ и перевезли в новую церковь. При внесении их в церковь рака остановилась. После воззвания народа: "Господи, помилуй!"-рака прошла. Эпизод зафиксирован тремя источниками. Братья и духовенство отпраздновали этот светлый праздник и разошлись восвояси.

Это - пересказ относительно нейтральной статьи 1072 г., написанной, как уже было сказано, в XII в. Сравним его с рассказом в "Сказании о Борисе и Глебе". Сюжет, в принципе, общий, но есть два существенных дополнения.

Первое - эпизод с благословением князей Ярославичей рукор Глеба. После народного восклицания "Господи, помилуй!", о котором

упоминается и в летописной статье 1072 г., в "Сказании" далее следует:"И моляхуся Господеви и святыима, и абие повезоша и. И целоваша святаага Бориса главу. А святааго Глеба руку, възьмъ же Георгий митрополит благословяше князе Изяслава и Всеволода. И пакы Святославъ имъ руку митрополичю и дрьжащю святааго руку прилагааше къ вреду, имъ же боляше на шии, и къ очима и къ темени. И по семь положи руку вь гробе. Начаша же пети святую литургию. Святославъ же рече къ Бьрнови:"Нечьто мя на голове бодеть." И съня Бьрнъ клобукъ съ князя и виде ньгъть святаго и съня съ главы и въдасти и Святославу. Онъ же прослави Бога о благодарении святою."[31]

Пока нам этот эпизод ни о чем не говорит, хотя порождает вопрос: почему князья благославляются рукою Глеба - младшего из братьев-страстотерпцев, а не Бориса, мощи которого перенесли первыми?

Но вот перечень присутствующих на торжествах церковных иерархов заставляет задуматься. Традиционно упомянуты три Ярославича: Изяслав, Святослав, Всеволод и далее:"митрополитъ Георгии Киевськый, другый Неофитъ Чьрниговьскый и епископи Петръ Переяславьскый и Никита Белогородьскый и Михаилъ Гургевьскый и игумени..."[32]и т.д.

Почему "Сказание" говорит о двух митрополитах? Ведь в летописной статье 1072 г. упомянут только один - митрополит Георгий. И в "Чтении" Нестора так же только один Георгий, с существенной ремаркой "тогда пасуща Христово стадо"[33], вроде бы кто-то пытался этот факт оспорить. Ошибка переписчика?

Не думаю, поскольку немногим ниже в "Сказании" при перечислении идущих за ракой Бориса, по отношению к митрополитам употреблено двойственное число:"...а по нихъ диякони, таче и прозвутери, и по сихъ митрополита." [34] То есть, об описке переписчика, сделавшего из черниговского епископа Неофита митрополита, говорить не приходится!

Этот факт позволяет заподозрить автора "Сказания" в умышленном превозношении черниговского епископа и даже в прочерниговской ориентации. И это подозрение становится еще бо́льшим, когда мы сравним эпизод с благословением князей рукой Глеба из "Сказания" с аналогичным эпизодом из "Чтения". Но в нем описано благословление Изяславичей, как ни странно, уже не рукою Глеба, а Бориса!

Митрополит "изя руку блаженаго Бориса, бе бо мощими лежай, и целоваше, прикладая къ очима и къ сердцю. Таче потомъ благослови ею благовернаго князя Изяслава, потомъ же брата его Святослава, и оста ноготь единъ на главе его, на благословление ему, потом же пакы боголюбець Всеволода, - тако и вся."[35]

Возникает вопрос: а какая разница? А разница существенная. И нам понадобится некоторое отступление, чтобы во всем разобраться.

После смерти Ярослава Мудрого в 1054 г. его сыновья унаследовали следующие владения:

Старший - Изяслав - занял по старшинству Киевский престол.

Средний - Святослав - Черниговское княжество.

Младший - Всеволод - вокняжился в Переяславле. К нему отошло и Ростовское княжество, бывшее ранее за Борисом. Вот почему впоследствии Борис стал покровителем Всеволодовичей. Сын Всеволода - Владимир Мономах при новом перенесении мощей 2 мая 1115 г. несет раку именно с мощами Бориса, хотя должен был уступить это право по старшинству Давыду Святославичу, старшему в роду. В 1117 г. закладывает церковь на Альте, в своей резиденции, в месте, где согласно "Повести временных лет" был убит Борис. В своем "Поучении" Владимир Мономах называет 24 июля днем Бориса, а не Бориса

и Глеба. В мономаховой семье хранилась драгоценная реликвия - меч Бориса, которым впоследствии безуспешно пытался защититься от убийц внук Мономаха - Андрей Боголюбский.[36] То есть, совершенно очевидно, что Борис был патроном Всеволодовичей.

А что же Глеб? Муромские земли Глеба, как известно, вошли в состав Черниговского княжества, унаследованного Святославом. Глеб выступает покровителем Черниговских князей, и в частности, Святославичей. В свете этих обстоятельств и стал слагаться местный культ Глеба.

Как показали исследования В.И.Лесючевского[37] и особенно М.Х. Алешковского [38], первоначально вообще сложился культ Глеба, а потом Бориса /не случайно при перенесении мощей в 1072 г. Глеб уже был в каменном саркофаге - обязательном условии при канонизации/. Причем культ Глеба возник на Смоленщине /месте его гибели/ и в Чернигове. В Чернигове после 1072 г. появляются кресты-мощевики /энколпионы/, на лицевой стороне которых помещалось изображение Глеба, а не Бориса!

Очень обстоятельно исследовавший эту проблему М.Х.Алешковский пришел к весьма важным для нас выводам, что церковный культ Бориса и Глеба возник только после 1072 г., причем первоначально в Чернигове и как Глебоборисовский. Борисоглебский установился несколько позднее и уже в Киеве.[39] /Когда точно - исследователь не установил/.

Важным подтверждением выводов ученого служит тот факт, что до сих пор не известно ни одной печати XI в. с изображением князей, нет их изображения и на фресках Софии Киевской. То есть, вплоть до 70-х годов XI в. иконография святых еще не выработалась.(x)

(x)Правда, "Чтение" Нестора сообщает, что уже Ярослав Мудрый "повеле же и на иконе святою написати, да входяще вернии людии въ

Нельзя, однако, пройти мимо другого аргумента ученого, который можно подвергнуть сомнению.

В 1050 г. Изяслав Ярославич называет своего сына Святополком - именем убийцы Бориса и Глеба. "Тем самым, - отмечает историк,- в 1050 г. Борис и Глеб еще не были официально канонизированы, а Святополк еще не был предан анафеме."[41] В дошедших до нас списках службы Борису и Глебу на 24 июля Святополк, как убийца братьев, действительно предается церковному осуждению. По мнению М.Х. Алешковского, Изяслав не посмел бы назвать своего сына этим именем, если бы служба была написана до 1050 г. Следовательно, заключает ученый, она составлена не легендарным митрополитом Иоанном I при Ярославе Мудром, а в годы святительства в Киеве Иоанна II /1077-1088/.

Вот по поводу этого вывода М.Х.Алешковского и напрашивается возрожение. До нас дошли службы конца XI - нач. XII вв. в списках XII в., т.е. службы окончательно сложившиеся, прославляющие святых "всю землю русскую просвятивших",[42] их память 24 июля уже официально была причислена к великим годовым праздникам. И по окончательному составу службы нельзя судить, какой она была в 50-х годах XI в. И здесь еще раз уместно сослаться на исследователя службы Д.И.Абрамовича:"С распространением памяти свв.Бориса и Глеба потребовалась более торжественная церковная служба, а "творение"

церковь ти видяше ею образъ написанъ, и акы самою зряще, ти тако с верою и любовию поклоняющеся има."[40] Но тот факт, что до 70-х годов XI в. не выработалась традиция иконописания, только свидетельствует о сложении общерусского культа святых Бориса и Глеба в более позднее время.

митрополита Иоанна дополняется новыми песнопениями и молитвословиями." 43 Не исключено, что именно Киевский Митрополит Иоанн П /1077-1088/ и завершил работу над службами, составленными его одноименным предшественником /об этом еще будет разговор ниже/.

Что же касается использования впоследствии русскими князьями имени Святополка, то утверждение М.Х.Алешковского так-же не выдерживает критики. Не только Изяслав Ярославич назвал своего сына этим именем, но и сын Владимира Мономаха - Мстислав Великий /1076-1132/, причем уже тогда, когда Борис и Глеб были официально канонизированы и уже наверняка сложилась полная служба святым на 24 июля с анафемой Святополку.[x]

Но это попутное замечание по поводу слабых аргументов в рассуждениях М.Х.Алешковского.

Для нас же сейчас важен тот отмеченный ученым приоритет, который отдавал черниговец Святослав своему покровителю Глебу Муромскому перед его старшим братом, ибо культ Глеба, как местночтимый, сложился в Чернигове ранее Борисоглебского культа в Киеве. Тогда становится понятным, почему именно Глеб оставляет, согласно "Сказанию", свой ноготь на голове черниговца Святослава в знак своего ему покровительства и благоволения.

Следовательно, события 1072 г. отражены автором "Сказания" с просвятославовых позиций.

Важно напомнить, что в дальнейшем в Киеве и по всей Руси установился Борисоглебский культ, отраженный повсеместно и в церковных праздниках, и в службе, и в проложных сказаниях, и в "Чтении"

---

[x] Год рождения Святополка Мстиславича не известен. Надо полагать, исходя из возраста отца, он родился в 90-х годах XI в., а умер в 1154 г.[44]

Нестора. Стало быть, начальная часть "Сказания о Борисе и Глебе" /без "Сказания о чудесах"/, заканчивающаяся рассказом о перенесении мощей святых в новую церковь в 1072 г., была написана, во-первых, до официального установления Борисоглебского культа, а, во-вторых, когда официальным заказчиком этого сочинения мог выступить черниговец Святослав.

Когда же это могло произойти?

Обратимся к истории. Через год после рассматриваемых событий, а именно весной 1073 г., Святослав, заручившись поддержкой Всеволода, изгнал из Киева старшего брата Изяслава, нарушив тем самым заповеданный отцом принцип престолонаследования по старшинству.

С вокняжением в Киеве Святослав "умысли създати църьковь камену святыма" взамен деревянной, только год назад выстроенной Изяславом. Совершенно очевидно, что он придавал большое значение культу Глеба и Бориса. И только смерть в 1076 г. помешала закончить это строительство. Стены церкви были возведены на 80 локтей, то есть, на три метра! Довольно интенсивное строительство.

По своему характеру Святослав был очень энергичным князем. За три с половиной года своего княжения он сделал едва ли не больше, чем его брат за 19 лет.

Как мы знаем, питал он интерес и к книгам, о чем свидетельствуют "Изборники" 1073 и 1076 гг. И только в его княжение в Киеве могло появиться проглебовское сочинение с легендой о ногте Глеба, оставленном на его, т.е. Святослава, голове. Это утверждение подтверждается фактом упоминания Неофита Черниговского в сане митрополита.

Как известно, бывший в Киеве митрополит Георгий, упоминаемый тремя нашими источниками, в конце 1072-начале 1073 г. отправился

в Грецию /сообщение об этом имеется и в "Чтении" Нестора, и в "Повести временных лет"/ и больше уже на Русь не возвратился. Его преемник Иоанн II приехал только в 1077 г.

Стало быть, когда в Киеве вокняжился Святослав, митрополичья кафедра пустовала. Может быть, Святослав "назначил" своего черниговского епископа престолоблюстителем на время отсутствия в Киеве митрополита.[х)] А работавший именно в это время над "Сказанием" черниговский /или прочерниговский/ автор тут же поспешил возвести епископа Неофита в ранг митрополита.[хх)] Трудно допустить, чтобы независимый от Святослава автор "Сказания" написал бы рядом с именем Киевского митрополита Георгия, официально поставленного на Русь византийским патриархом, имя другого - неутвержденного - черниговского епископа Неофита, если бы Георгий пребывал на Руси, а не в Византии, или уже приехал новый митрополит Иоанн. Немаловажно и отношение заказчика, т.е. Киевского князя, к подобным "вольностям" автора. Без его согласия такое "возвышение" Неофита

[х)] В этой связи вспоминается похожий эпизод из нашей истории середины XIII в., когда Михаил Черниговский, занявший временно Киев, назначил около 1243 г. на пустовавшую митрополичью кафедру Петра Акеровича и отправил его даже с особыми полномочиями на церковный Собор в Лион.[45]

[хх)] То, что "Сказание" было написано не в Киевском Печерском монастыре, совершенно очевидно. Игумен монастыря Феодосий и монахи были сторонниками заповеданного Ярославом Мудрым престолонаследования по старшинству. Они /за исключением Антония/ поддерживали изгнанного Изяслава и осуждали Святослава. Не помогло даже его пожертвование в 100 гривен на строительство Печерской церкви Успения Богородицы. На службе Феодосий по-прежнему поминал первым Изяслава, а за ним - Святослава.

едва ли было бы возможным.

Стало быть, "возведение" черниговского епископа Неофита в митрополиты автором "Сказания" могло произойти только в период отсутствия настоящего Киевского митрополита, то есть, между 1073 и 1077 гг.

Необходимо подчеркнуть, что ни в статье 1072 г. "Повести временных лет", ни в "Чтении" Нестора имя Неофита не упоминается вовсе. Факт весьма красноречивый, ибо свидетельствует, что эпизод с "епископом-митрополитом" Неофитом был важен только черниговцам, то есть ему самому и, возможно, Святославу.

В этой связи знаменательна статья 1073 г. "Повести временных лет":"В се же лето основана бысть церкві Печерьская игуменомъ Феодосьемъ и епископомъ Михаиломъ, митрополиту Георгию тогда сущю въ Грьцехъ, Святославу Киеве седящю." О Неофите - ни слова. Очевидно, он был просто ставленником Святослава Ярославича, и, не исключено, именно под его руководством и было написано "Сказание о Борисе и Глебе", точнее, первая его часть, называемая учеными "Сказание о гибели Бориса и Глеба", заканчивающаяся описанием перенесения мощей князей в 1072 г.

Составление "Сказания" могло быть как-то связано со строительством Святославом каменной церкви во имя Глеба и Бориса. Точнее, заказано к торжествам, которые планировались по ее завершении, и выразились бы в очередном перенесении мощей страстотерпцев. Но Святослав неожиданно умер, церковь осталась недостроенной.

В 1076 г. в Киев возвращается Изяслав, за два года не проявивший интереса к новостройке. 3 октября 1078 г. он погиб в битве с сыном Святослава черниговским князем Олегом на Нежатиной ниве.

Киевский престол занимает младший из Ярославичей - Всеволод, княживший до своей смерти 13 апреля 1093 г. Всеволод возобновил

строительство каменной церкви: как и Святослав, он был заинтересован в укреплении культа страстотерпцев, но не Глебоборисовского, черниговского, а Борисоглебского, поскольку Борис был покровителем Всеволода.

За год до его вокняжения в Киеве на Русь приезжает новый митрополит Иоанн II /1077-1088/. "Повесть временных лет" характеризует его как "мужа хытра книгамъ и ученью", был он, по словам летописца, "речисть же, книгами святыми утешая печалныя, и сякого не бысть преже в Руси, ни по немъ не будеть сяк." 46

Во времена его пастырской деятельности в Киеве, видимо, и произошло официальное утверждение святых Бориса и Глеба общерусскими святыми, установление Борисоглебского культа, чему способствовало определение дня гибели Бориса /24 июля/ днем памяти святых и великим годовым праздником, и окончательное сложение службы на этот день. /Напомню, что "Повесть временных лет" под 1093 г. говорит о дне памяти святых 24 июля как о новом празднике в Русской земле/.

Как мы знаем, церковный канон, точнее церковная служба святому, предусматривает наличие жития святого, в нашем случае - святых. Имевшееся уже тогда "Сказание о гибели Бориса и Глеба" не могло претендовать на эту роль, поскольку в жанровом плане не являлось каноническим житием святых, и больше походило на историческую повесть /об этом говорили многие исследователи/. И главным аргументом в этом утверждении выступает тот факт, что в "Сказании о погибели Бориса и Глеба" нет ни одного доказательства проявления Борисом и Глебом своей святости - Божьего дара чудотворения - по перенесении их мощей в новую церковь. В то же время, дар чудотворения - это главное доказательство святости /тем более, что грек Георгий сомневался на сей счет/, а его описание - ключевое

эпизод жития святого.

К тому же, видимо, еще не стерлось в памяти и имя заказчика "Сказания" - Святослава Ярославича, силой, а не по старшинству, занявшего Киевский великокняжеский престол, и проглебовские тенденции написанного при нем сочинения. Одним словом, "Сказание о гибели Бориса и Глеба" не подходило под житие святых по всем параметрам.

Необходимое каноническое житие святых Бориса и Глеба создается в стенах Киевского Печерского монастыря его монахом Нестором.

Печерский монастырь, так же как и Всеволод, был сторонником Борисоглебского культа, в котором отражался принцип старшинства в престолонаследовании. Именно поэтому в его стенах не могло быть написано житие типа "Сказания о Борисе и Глебе", в котором хотя бы в одном эпизоде приоритет отдавался младшему брату - Глебу.

Нестор в "Чтении о Борисе и Глебе" расставляет все по своим местам: в описании майских торжеств 1072 г. князья благословляются рукою старшего святого - Бориса /первым и перенесенного в новую церковь/ и в строгой возрастной последовательности: Изяслав, Святослав, Всеволод /в "Сказании", напомню, благославлялись рукою Глеба Изяслав и Всеволод, а Святослав сам покрыл себе голову рукою святого[x]/. То есть, Нестор восстанавливает приоритет Бориса перед Глебом.

Важно также отметить, что Нестор писал именно житие святых, обязательной частью которого было описание чудотворений, происходящих у их гроба. Что таким именно и был план сочинения, свидете-

---

[x] Это проявление самостоятельности Святославом в эпизоде с рукою Глеба вызывает аналогию с другим проявлением самостоятельности Святославом - самовольным захватом Киевского престола.

льствуют слова самого Нестора в конце "Чтения": "Се же азъ, Несторъ грешный, о житии и о погублении и о чюдесехъ святою и блаженою страстотерпцю сею, опасне ведущихъ исписавъ я ..." [48] Автор же "Сказания о гибели Бориса и Глеба" таких задач перед собою не ставил.

Описание чудес, а точнее рассказ Нестора о сухорукой жене - услышанная им от нее самой история о поражении ее Николаем Угодником и исцелении святыми Борисом и Глебом в день Успения Богородицы 15 августа, пришедшемся на воскресенье, позволили А.А.Шахматову датировать "Чтение".

По мнению ученого, "Чтение" не могло быть написано ранее 1081 года, поскольку после перенесения мощей святых в 1072 г. Успение Богородицы приходилось на воскресенье только в 1081 г. Стало быть, "Чтение" с описанием чудес было создано после 15 августа 1081 г., но до 1088 г.[49] Вторая дата появилась в результате следующих рассуждений.

По свидетельству Нестора в "Житии Феодосия Печерского", вначале он написал "о житие и о погублении и о чюдесехъ святою и блаженою страстотрьпьцю Бориса и Глеба", а затем "понудихъ ся и на другое исповедание приити" - о Феодосии Печерском.

По мнению А.Шахматова, "Житие Феодосия Печерского" было написано до 1088 г. и основанием для такого заключения ему послужили два следующих факта.

Нестор охотно в своих сочинениях забегает вперед в изложении судеб описываемых им лиц, но не сообщает о смерти в 1088 г. игумена Никона и о перенесении в 1091 г. мощей Феодосия Печерского /для жития Феодосия факт знаменательный/.[50]

Несомненно, если бы Нестор писал "Житие Феодосия Печерского" после 1091 г., а тем более после 1108 г., как полагал С.А.Бугос-

лавский [51] и считает А.Г.Кузьмин [52], то обязательно включил бы в "Житие" и "Слово" о перенесении его мощей. Наоборот же, отдельное существование "Слова о перенесении мощей", на мой взгляд, может свидетельствовать о более позднем его написании относительно "Жития" и как самостоятельного дополнения к нему. На такое его положение указывает и место "Слова" в "Киево-Печерском патерике", где оно следует за "Житием Феодосия Печерского", но не объединено с ним.

К наблюдениям А.А.Шахматова добавлю еще два. Нестор, постоянно следящий во всех своих сочинениях за судьбою Стефана, постригшего его в монахи, не сообщает в "Житии Феодосия Печерского" о его смерти 27.04.1094 г., как, впрочем, и в "Слове о перенесении мощей". То есть, оба произведения были написаны до 1094 г.

Наконец, обратим внимание на еще одно замечание Нестора, которое, как мне кажется, так же помогает уточнить время его работы над "Житием Феодосия Печерского": "Се бо елико же выше о блаженемь и велицемь отци нашемь Феодосии оспытовая слышахъ от древьниихъ мене отець, бывшихъ въ то время, та же выписахъ азъ грешьныи Несторъ, мьнии вьсехъ в манастыри блаженаго и отца вьсехъ Феодосия." [53]

Нельзя ли эти слова Нестора понимать так, что он, меньший всех в монастыре по возрасту /"мьнии вьсехъ"/ монах, расспрашивал старших /"древьниихъ мене"/ за себя отцов-иноков Печерского монастыря о Феодосии, и выше изложил услышанное?

И.И.Срезневский в "Материалах для словаря древнерусского языка" в комментариях к словам "мьнии=мнии=меньшии" дает первым именно значение "младший по возрасту" со следующим примером:"Чловекъ некыи име дъва сына, и рече мьнии сынъ его". [54]

В словах Нестора отчетливо прослеживается сравнение, точнее -

противопоставление возраста его самого, записавшего рассказы о Феодосии, и возраста монахов, от которых он эти рассказы слышал.

Если бы Нестор хотел самоуничижением подчеркнуть свое "низшее" положение в монастыре /и такое значение имеет иногда слово "мьнии"/, то была бы в этой антитезе иная пара слов - "старей-мьний": "Аще кьто хощеть старей быти, да будеть вьсехъ мьнии и вьсем слоуга."[55] В первом же случае, у Нестора, противопоставлялись слова "древьниихъ-мьнии" в возрастном значении.

Кстати сказать, Нестор и в "Чтении" использует трижды слово "мьнии" в значении "младший по возрасту", усиливая его другим - "уней": "Сий Давыдъ /христианское имя Глеба - А.У./ мний /вар.- меншии/ бе въ братьи своеи и уней в дому отца своего." [56] То есть, меньший /младший/ среди братьев и самый молодой /вар."уней-юнейший"/ в доме.

В этом пассаже Нестора не может быть иной трактовки слова, поскольку очевидно, что он не только говорит о юном возрасте Глеба /"Бе же Глебъ велми детескъ" [57]/, но и всячески подчеркивает этот юный возраст святого, сравнивая Глеба с юным Давидом: "Святому же Глебови сотворено имя Давыдъ. Видиши ли благодать Божию изъмлада на детищи? Створиша бо, рече, имя ему Давыдъ: како или кымъ образомъ? Не им же ли: онъ бе мний въ братьи своей /т.е. младший -А.У./, тако же и сий святый. Яко же бо и самъ пророкъ свидетельствуеть, глаголя:"мний бе въ братьи моеи и уней /вар.- юнейший/ въ дому отца моего" и прочее; тако же и сий Давыдъ мний /вар.- меньший/ бе въ братьи своеи и уней в дому отца своего." [58]

Важно здесь отметить, что в украинском языке XIУ-ХУ вв. основное значение слова "меньший" было именно как "младший". [59] А позднее, и в современном украинском языке, сохранилось только возрастное значение слова "меньший" [60] при характеристике человека.

Стало быть, и в общей практике, и, что для нас важнее, прак-

тике Нестора слово "мьний-меньший" имело оценочное возрастное значение. То есть, говоря о себе "азъ... Несторъ, мьнии вьсехъ в манастыри", древнерусский агиограф подчеркивал, прежде всего, свой молодой возраст.

На это так же указывает еще одна Несторова антитеза из "Жития Феодосия Печерского", в которой он сравнивает /в противопоставлении/ себя на сей раз со старейшим Никоном, а не всей братией.

Чуть выше приведенных слов Нестора о себе /в том же столбце по "Успенскому сборнику"/, он так говорит о Никоне: "яко же томоу /т.е. Никону - А.У./ старейшю соущю вьсехъ, се бо и блаженыи отець нашь Феодосий от того роукоу постриження съподобися." 61

Это сравнивающее противопоставление "старейшего вьсехъ" игумена Печерского монастыря Никона и "мьнии вьсехъ" в монастыре инока Нестора очень заметно.

Сравнение с"великим Никоном", известным книжником, делало честь Нестору, хотя и было дерзновенно. Поэтому антитеза и оказалась несколько растянута, хотя и очевидна: Нестор рассказал об избрании в игумены старейшего /по возрасту!/ Никона, и затем поведал и свою историю с поступлением в монастырь. Такое сравнение в духе Нестора. Вспомним, что он первым в древнерусской литературе стал указывать свое имя в агиографических сочинениях, вносить в них автобиографический элемент. А ведь это было нарушением традиций византийской агиографии. Поэтому ничего нет удивительного в том, что молодой Нестор, "множьствъмь греховъ напълненъ сыи от уности" не устоял еще пред одним и подчеркнул свой молодой возраст. Да простится ему этот невеликий грех, помогающий нам установить время работы молодого инока над "Житием Феодосия Печерского".

Нестор родился около 1056-57 гг. и вряд ли бы написал после

II08 г.,[x] когда ему уже было за 50 лет, а число монахов перевалило за сотню, что он "мьнии вьсехъ" - младший по возрасту в монастыре...

Исходя из выше сказанного, я не могу согласиться с мнением С.А.Бугославского и его последователей, что Нестор написал "Житие Феодосия Печерского", а ,стало быть, и "Чтение о Борисе и Глебе" только после II08 г., и поддерживаю точку зрения академика А.А.Шахматова - оба сочинения были написаны Нестором до I088 г. - с небольшим уточнением.

Вспомним, что в статье "Повести временных лет" под I086 г. Борис и Глеб не названы еще святыми. А в I093 г. день памяти их 24 июля отмечается как новый общерусский праздник. Следовательно, и служба на 24 июля доработанная /расширенная/ митрополитом Иоанном II, и житие святых - "Чтение о Борисе и Глебе" Нестора - как необходимое дополнение к ней, завершены, надо полагать, между I086 и I088 гг. То есть, в эти два года, видимо, и сложился полный церковный канон службы святым Борису и Глебу, и они стали официально признанными первыми русскими святыми.

Скорее всего, составление полного служебного канона приурочивалось к новым торжествам по случаю завершения Всеволодом строительства начатой еще Святославом большой каменной церкви в честь святых. В сходной ситуации в бытность самого Святослава было написано "Сказания о гибели Бориса и Глеба". Судя по тому, что Борис был покровителем Всеволода, торжества намечались на день памяти Бориса, т.е. на 24 июля. Но, как мы знаем из "Сказания о чудесах", в ночь после завершения строительства церковь рухнула, и

---

[x] Напомню, что С.А.Бугославский и А.Г.Кузьмин полагали, что Нестор работал над "Житием Феодосия Печерского" после II08 г. /см. прим. 50,5I/.

Всеволод не предпринимал больше попыток восстановить ее.

Новые торжества по перенесению мощей страстотерпцев Бориса и Глеба не состоялись. Тем не менее, усилиями киевского князя Всеволода Ярославича, митрополита Иоанна II и Печерского монастыря[x] день памяти Бориса и Глеба 24 июля стал великим годовым церковным праздником, а святые Борис и Глеб почитаемыми не только во всей Русской земле, но и за ее пределами.

Уже в 1095 г. в церкви чешского Сазавского монастыря был построен придел в честь святых Бориса и Глеба; в конце XI или начале XII в. в Софии Константинопольской находилась икона Бориса и Глеба,

---

[x] Печерский монастырь долгое время не принимал церковной политики Киевского митрополита Иоанна II, ориентированной на единение с католичеством, и потому, видимо, не приглашал его как митрополита, в чьем ведении находился монастырь, освятить церковь Успения Пресвятой Богородицы, заложенную еще в 1073 г. Одиннадцатилетний перерыв между окончанием строительства /1.VIII.1078 г./ и освящением церкви митрополитом Иоанном II /14.VIII.1089 г./ может служить тому подтверждением. Не исключено, что отход митрополита Иоанна от идеи единения западной и восточной церквей, и совместные усилия монастыря и митрополита по официальному утверждению культа общерусских святых Бориса и Глеба, и примирили Печерский монастырь с Киевским митрополитом. Во всяком случае, по смерти он удостоился лестной характеристики в "Повести временных лет" /см. выше/, первоначально составленной в этом монастыре, причем в той ее статье, которая, скорее всего, принадлежит перу самого Нестора. Тем большую ценность имеет эта оценка соавтора службы Борису и Глебу.

а в Испигасе была построена в их честь церковь.[62]

Так-что, думаю, не правы те исследователи, которые относят составление "Чтения" Нестора - первого канонического жития святых - к началу XII в., когда культ святых Бориса и Глеба уже перешагнул границы Руси, т.е. уже был официально признанным даже Византией. А это само собой подразумевало наличие полного, т.е. с житием, служебного канона святым.

Поскольку иного канонического жития святых Бориса и Глеба на то время не было, то приходится с уверенностью признать, что им стало уже во второй половине 80-х годов XI в. "Чтение о житии и о погублении блаженную страстотерпца Бориса и Глеба" Нестора.[XV]

Вернемся, однако, к прерванному изложению, чтобы проследить и дальнейшую судьбу рухнувшей церкви, и расширение культа святых Бориса и Глеба в Древней Руси.

Принявший киевский престол после Всеволода Святополк Изяславич, как и отец его, "не дрьзну" на новое церковное строительство. В 1102 г. Владимир Мономах тайно позолотил серебряные саркофаги святых. Его двоюродный брат Олег Святославич взялся завершить начатое отцом строительство и восстановил в 1111 г. церковь, однако Святополк не позволил Черниговскому князю перенести мощи святых Бориса и Глеба из деревянной отцовской, т.е. Изяславовой церкви, в каменную Святославову, "зане не самъ бяше ее съзьдалъ, церькве тоя." 63

Новые торжества по перенесению мощей Бориса и Глеба в новую каменную церковь, гораздо более пышные, чем в 1072 г., состоялись

[XV] О строгом соблюдении Нестором агиографического канона писали практически все исследователи, занимавшиеся изучением "Чтения", и ставили ему это в вину, хотя нужно было причислить к достоинствам...

2 мая 1115 г., уже во время правления Владимира Мономаха.

Даже сама история строительства каменной церкви в честь святых Бориса и Глеба подчеркивает дифференцированный подход и различные интересы как Ярославичей, так и их сыновей в отношении к культу Бориса и Глеба. Очевидно, что просвятославова тенденция /выражавшаяся в первопочитании Глеба/ не нашла поддержки у последующих киевских князей, а только у его сына Олега, князя Черниговского, закончившего отцово строительство. Но он не был киевским князем и столь влиятелен, как Мономах /правда, в споре, где стоять саркофагам святых, разрешенном с помощью жребия, победил Олег/.

Вся вышеизложенная история со строительством каменной церкви описана во второй части "Сказания о Борисе и Глебе", имеющей в тексте название "Съказание (о) чюдес(ехъ) святою страстотьрпьцю Христову Романа и Давида" или, сокращенно, "Сказание о чудесах", продолжившем первую часть /после заметки "О Борисе как бе възъръмь"/, условно названную "Сказание о гибели Бориса и Глеба".

В мои нынешние планы не входит выяснение истории сложения дошедшего до нас полного текста "Сказания о Борисе и Глебе",[64] но несколько замечаний мне все же придется сделать.

Для меня является очевидным, что "Сказание о гибели" и рассказ о перенесении мощей Бориса и Глеба в 1072 г., помещенный уже в "Сказание о чудесах", были написаны в годы княжения в Киеве Святослава, т.е. между 1073 и 1077 гг. И свои рассуждения по этому поводу я изложил выше. Что же касается описаний трех чудес – о хромом, сухорукой жене и слепце из "Сказания о чудесах", то они были сделаны гораздо позднее /и даже не в 80-х годах, когда произошло чудо с сухорукой женой/, и в иной, нежели у Нестора, редакции. К ним примыкает и эпизод о заключенных в темницу, произошедший, якобы, при Святославе Ярославиче /а у Нестора – при

его отце - Ярославе Мудром!/ и рассказ о золочении раки святых Владимиром Мономахом в II02 г., повествование о новом перенесении мощей святых Бориса и Глеба 2 мая III5 г.

Совершенно очевидно, что эта часть "Сказания о Борисе и Глебе" не могла быть написана ранее последней даты.

Помещение описания событий 20 мая I072 г. в более позднее по созданию "Сказание о чудесах", иная, чем у Нестора, редакция трех чудес, иная, по сравнению с Нестором же, интерпретация эпизода с заключенными позволяют сказать, что при написании "Сказания о чудесах" была проделана его автором большая работа по переделке существовавших на то время текстов. Любопытно, что рассказ о сухорукой жене поведан не с ее слов, как у Нестора, а со слов Лазаря, Вышгородского священника, того самого, о котором упоминает и летописная статья I072 г., и "Сказание о чудесах" при передаче торжеств III5 г., но уже как епископа Переяславльского. Нестор же ни разу не упоминает Лазаря. "Разночтения" в описании чуда с сухорукой женой, на которые часто ссылаются исследователи, объясняются просто разными источниками информации, положенными в его основу: у Нестора - рассказа исцеленной, у автора "Сказания о чудесах" - бывшего в то время священником в Вышгороде Лазаря, который, кстати сказать, упоминается в этом небольшом сочинении трижды, что может свидетельствовать о близости автора к Лазарю.

Закономерно возникает вопрос, когда и где "Сказание о чудесах" было написано и объединено со "Сказанием о гибели Бориса и Глеба", то есть, когда и где возникло дошедшее до нас цельное "Сказание и страсть и похвала святую мученику Бориса и Глеба" - второе, соответствующее церковному канону, житие святых?

Совершенно очевидно, что после перенесения мощей святых Бориса и Глеба 2 мая III5 г. Где же была выполнена эта работа и поче-

му в его основу легло "Сказание о гибели Бориса и Глеба", а не каноническое "Чтение"?

В "Сказании о чудесах" ярко выражена промономахова позиция автора; несомненно, он был и соратником, и сторонником Мономаха.[65] Неоднократные упоминания в "Сказании о чудесах" игумена Выдубицкого монастыря Лазаря, впоследствии Переяславльского епископа, дает возможность предположить, что работа над "Сказанием о Борисе и Глебе" велась в Выдубицком монастыре, основанном отцом Владимира Мономаха - Всеволодом.[x]

Из истории сложения "Повести временных лет" мы знаем, что вторая ее, так же промономахова, редакция, датируемая 1116-1117 годами, была сделана игуменом этого, т.е. Выдубицкого, монастыря Сильвестром, который, кстати сказать, унаследовал свое игуменство от Лазаря /а по смерти последнего и Переяславльскую епископию/. Нет ничего удивительного, что промономаховы произведения выходили из стен княжьего монастыря Всеволодовичей. Это даже закономерно. Сильвестру, видимо, принадлежит и статья "Повести временных лет" 1072 г. о перенесении мощей Бориса и Глеба с упоминанием имени Лазаря в конце.

Когда Нестор писал свое "Чтение", Выдубицкий монастырь еще не был основан /только в 1088 г./, поэтому полное /с чудесами/ житие святых Бориса и Глеба было написано в Киевском Печерском монастыре, и оно вполне отвечало тогдашним взглядам княжившего в то время в Киеве Всеволода: отстаивало принцип старшинства в престолонаследовании и Борисоглебский культ.

---

[x] Н.Н.Воронин считает Лазаря даже автором "Сказания о Борисе и Глебе".[66]

С упрочением позиции Выдубицкого монастыря стало проявляться соперничество двух обителей. Прорусскую позицию, идущую от первого из русских митрополита, а до этого - вышгородского священника Илариона, отстаивал Печерский монастырь, старейший из известных на Руси. Позицию грекофилов Всеволодовичей /"Мономаховичей"/ выражал их княжий Выдубицкий монастырь. Вот почему переработка печерской редакции "Повести временных лет" была произведена по заказу Владимира Мономаха именно в Выдубичах, причем, обращаю внимание, почти в то же самое время, когда было написано "Сказание о чудесах", точнее, "Сказание о Борисе и Глебе".- после III5 г., но до III7 г. - смерти Лазаря, открытии церкви святых на Альте и т. д.[x]

Почему же дорабатывалось "Сказание о гибели Бориса и Глеба", а не переделывалось "Чтение"?

На мой взгляд, это можно объяснить несколькими причинами. Вышедшее из стен Печерского монастыря "Чтение о Борисе и Глебе" являлось строгим каноническим житием святых, написанном для церковной службы на 24 июля, и было трудным для переделок: в нем были и своя концепция событий, и своя идеология - противная выдубичанам. "Сказание о гибели", хорошо известное Мономаху, одно время княжившему в Чернигове, нуждалось в дополнениях - рассказах о чудесах, творимых святыми, и некоторых переделках, направленных на соединение двух произведений в одно целое. Поэтому Выдубицкий монастырь взял за основу "бесхозное""Сказание о гибели Бориса и Глеба".

За 40 с лишним лет после его написания стерлась важная в свое

---

[x]Попутно замечу, что еще А.А.Шахматов указывал на связь "Сказания о Борисе и Глебе" с летописанием этого времени.[67]

время для Святослава Ярославича проглебовская направленность произведения. Установился прочно Борисоглебский культ, и для автора "Сказания о Борисе и Глебе" уже было не актуально, рукой какого святого благословлялись князья, главное, что благословлялись. В то же время появляется статья "О Борисе, как бе възрьмъ" - об облике покровителя Всеволодовичей, а во второй, видимо, специально написанной части произведения - "Сказании о чудесах" -отчетливо выразилась промономахова позиция писателя. Поэтому и в целом "Сказание о Борисе и Глебе" получилось промономаховым, и вполне удовлетворило княжившего в Киеве Владимира Мономаха.

Создавалось "Сказание о Борисе и Глебе" после торжеств 2 мая III5 г., ибо повествует о них. Эти торжества, по всей вероятности, были призваны затмить своей пышностью предыдущие. Во всяком случае, Владимир Мономах стремился к этому. А задача новосоставленного жития святых, уже соответствующего церковному канону, вытеснить на службе 24 июля "Чтение о Борисе и Глебе", что ему в значительной степени удалось.

Сама же служба на 2 мая сложилась позднее /вот почему новое житие не связано с нею/. Сохранившиеся служебные минеи XII в. на май месяц ее не имеют. Но, видимо, прав Д.И.Абрамович, полагавший, что написана она не позднее II9I г., "когда мощи святых мучеников были перенесены из Вышгорода в Смоленск, на Смядынь. Так, в одной из стихирь на вечерни читаем "Радуйся и веселися, Вышграде, красуися и веселися, святая церкви, в нюже пренесена быста исцелению святая источника..." [68]

Подведем итоги всему сказанному.

Со всей достоверностью можно заключить, что "Сказание о гибели Бориса и Глеба", содержащее и рассказ о перенесении мощей Бориса и Глеба 20 мая IO72 г. в новую церковь, было написано в княжение

Святослава Ярославича в Киеве между 1073 и 1076 гг., отражало его интересы и Глебоборисовский /черниговский/ культ святых. Оно не могло быть написано позднее, поскольку не соответствовало взглядам /прежде всего - проглебовским/ ни одного последующего Киевского князя, и просвятославовы интересы так четко не отражены ни в одном другом литературном произведении последующего времени.

Для церковного почитания первых русских святых Бориса и Глеба митрополитом Иоанном II между 1086 и 1088 гг. была составлена расширенная служба им на 24 июля - день гибели Бориса. А первая, простая, была написана еще митрополитом Иоанном I до 1035(36)г.

Устанавливался Борисоглебский /киевский/ культ святых.

В это время, т.е. так же между 1086 и 1088 гг., монахом Печерского Киевского монастыря Нестором и было создано полное житие святых - "Чтение о житии и о погублении блаженную страстотерпца Бориса и Глеба", в котором так же утверждался Борисоглебский культ. В нем был заинтересован княживший в то время в Киеве Всеволод Ярославич, покровителем которого выступал святой Борис. С этого времени 24 июля - день святых мучеников Бориса и Глеба - стало отмечаться как новый праздник в Русской земле.

Отмечу также, что в "Чтении о Борисе и Глебе", написанном во второй половине 80-х годов XI в., нет еще мотива общерусского значения культа Бориса и Глеба, поскольку и сам культ новоканонизированных святых еще не был широко распространен на Руси. Но он отчетливо выражен в похвале святым Борису и Глебу в "Сказании о чудесах", произведении уже второй половины 20-х годов XII в.

На такое распространение культа святых Бориса и Глеба - от местночтимых до общерусских - указывает и эволюция службы им на 24 июля.[70]

Важно отметить, что в начале XII в. у Нестора не было ни повода /князья уже были официально канонизированы/, ни поддержки в

лице заинтересованного Киевского князя, для создания канонического жития святых. Княживший в Киеве в 1093-1113 гг. Святополк Изяславич не проявлял интереса к распространению культа святых, но и не разрешил Олегу Святославичу перенести их мощи в новую церковь. А мы можем говорить о литературной деятельности Нестора, только до 1112-1113 гг. То есть, Нестор, в силу объективных причин, мог работать над первым своим агиографическим сочинением только между 1086 и 1088 годами.

С вокняжением в Киеве в 1113 г. Владимир Мономах повел собственную политику. Это потребовало переделки имевшихся исторических и церковных сочинений. Помогал ему в этом отчий Выдубицкий монастырь, выполнявший литературные заказы князя. В его стенах между 1115 и 1117 гг. и было создано "Съказание и страсть и похвала святую мученику Бориса и Глеба" [71] (куда вошло и промономахово "Сказание о чудесах") близким к епископу Лазарю человеком.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Голубинский Е.Е. История канонизации святых в русской церкви. - Сергиев Посад, 1894. - С.25.

2 Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. - СПб., 1908. - С.58, прим. 1.

3 Васильев В. История канонизации русских святых. - М., 1893. - С. 66.

4 Макарий /Булгаков/. История русской церкви. Т.1. - СПб., 1857. - С.98.

5 Федотов Г. Святые Древней Руси. - М.,1990. -С.40.

6 Приселков М.Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси. X-XII в. - СПб., 1913. - С.71-72.

7 Абрамович Д.И. Жития святых Бориса и Глеба и службы им. - Пг., ИОРЯС,1916.- С.55.

8 Голубинский Е.Е. История канонизации... - С.27-32.

9 Лихачев Д.С. Повесть временных лет.(Историко-литературный очерк) // "Повесть временных лет". Ч.П. - М.-Л., 1950. - С.64-66.

10 Кусков В.В. История древнерусской литературы. - Изд.4-е. - М., 1982. - С.76.

11 Каргер М.К. Древний Киев. Т.П. - М.-Л., 1961. - С.316-317; Ильин Н.Н. Летописная статья 6523 года и ее источник /Опыт анализа/. - М., 1957. - С.44.; Алешковский М.Х. Глебоборисовские энколпионы 1072-1150 гг. // Древнерусское искусство. Художественная культура домонгольской Руси. - М., 1972.; Хорошев А.С. Политическая история русской канонизации. /XI-XVI вв./. - М., 1986. - С.20.

12 Голубинский Е.Е. Указ. соч. - С.24.

13 Голубинский Е.Е. Указ. соч. - С.3-4; 24-26.

14 Голубинский Е.Е. Указ. соч. - С.25.

15 Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI-XIII вв. - М.,1984. - С.82-83; 128. ; Абрамович Д.И. Указ. соч. - С.XX.; Макарий. История русской церкви. Т.I. - С.102-103; Голубинский Е.Е. История русской церкви. Т.I.Ч.I. - М., 1901. - С.839.; Голубовский П.В. Служба свв. мученикам Борису и Глебу в Иваничской минее 1547-79 гг.//Чтения в Историческом обществе Нестора Летописца. Кн.XIV. Вып.3. - С.127-128.; Никольский Н.К. Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений X-XI вв.- СПб., 1906. - С.48. Только М.Х.Алешковский полагал, что автором службы был митрополит Иоанн II /1077-1089/: Алешковский М.Х. Указ. соч. - С.112.

16 Ср.: Голубинский Е.Е. История канонизации... - С.27-32. Исследователь не разграничивает по предложенной им же классификации, к какому классу были отнесены святые Борис и Глеб при Ярославе.

17 Абрамович Д.И. Указ. соч. - С.XXI.

18 Хорошев А.С. Указ. соч. - С.17.

19 Алешковский М.Х. Указ. соч. - С.112.; Поппэ А.В. О времени зарождения культа Бориса и Глеба // Russia Mediaevalis. - München, 1973. - t.I. - С.6-29.

20 Памятники литературы Древней Руси. XI- начало XII века. - М.,1978. - С.148.

21 Памятники ... - С.150.

22 Памятники ... - С.152.

23 Памятники ... -С.152.

24 Памятники ... - С.194.

25 Памятники ... - С.194.

26 Воронин Н.Н. "Анонимное" Сказание о Борисе и Глебе // ТОДРЛ., Т.XIII. - М.-Л., - 1957. - С.20.

27 Памятники ... - С.218.

28 Памятники ... - С.218.

29 Памятники ... - С.230-232.

30 Памятники ... - С.232.

31 Успенский сборник XII-XIII вв. - М.,1971. - С.62-63.; Абрамович Д.И. Указ. соч. - С.56.

32 Абрамович Д.И. Указ.соч. - С.55-56.

33 Абрамович Д.И. Указ. соч. - С.21.

[34] Абрамович Д.И. Указ соч. - С.56.

[35] Абрамович Д.И. Указ. соч. - С.22.

[36] Хорошев А.С. Указ. соч. - С.24-25.

[37] Лесючевский В.И. Вышгородский культ Бориса и Глеба в памятниках искусства // Советская археология. Т.УШ. - 1946.

[38] Алешковский М.Х. Глебоборисовские энколпионы 1072-1150 гг.

[39] Алешковски М.Х. Указ. соч. - С.112.

[40] Абрамович Д.И. Указ. соч. - С.18.

[41] Алешковский М.Х. Указ. соч. - С.112.

[42] Абрамович Д.И. Указ. соч. - С.145.

[43] Абрамович Д.И. Указ. соч. - С.XXI.

[44] Літопис Руський. - К.,1989. - С.508; См. там же родословную таблицу русских князей по Ипатьевской летописи.

[45] Пашуто В.Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. - М., 1950. - С.57-62.

[46] Памятники ... - С.218.

[47] См.: Хорошев А.С. Указ. соч. - С.16,34.

[48] Абрамович Д.И. Указ. соч. - С.26.

[49] Шахматов А.А. Повесть временных лет. - Пгр.,1916. - Т.I. Вводная часть. - С.L XXIII-L XXVII.

[50] Шахматов А.А. Указ. соч. - С.L XXVI-L XXVII.

[51] Бугославский С.А. К вопросу о характере и объеме литературной деятельности преп. Нестора // ИОРЯС, 1914,-Т.19,-Кн.I.- С.131-186; Кн.III - С.153-191.

[52] Кузьмин А.Г. Начальные этапы древнерусского летописания. - М.,1977.- С.133-155, 178-183.

53 Успенский сборник ... - С.I34.

54 Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка. Репринтное издание. - Т.2. - Ч.I. - М., 1989. - С.227.

55 Срезневский И.И. Указ. соч. - С.228.

56 Абрамович Д.И. Указ. соч. - С.6. Этот пример к слову "мьнии" в значении "низший по положению, рангу, достоинствам" совершенно необоснованно приводит "Словарь русского языка XI-XУП вв.". Вып.9. - М.,1982.- С.89. В Несторовом тексте говорится только о возрасте Глеба, но никак не о его "положении, ранге, достоинствах".

57 Абрамович Д.И. Указ. соч. - С.5.

58 Абрамович Д.И. Указ соч. - С.6.

59 Словник староукраїнської мови XIУ-XУ ст. - Т.I. - К.,1977.- С.585-586.

60 Ср.: "Менша сестра літ не дійшла"; "Сами, мовляв, і старші, й менші" - "Словарь української мови" под ред. Б.Д.Гринченко. - Т.П. - К.,1908. - С.4I7.

6I Успенский сборник ... - С.I34.

62 Лихачев Д.С. Указ. соч. - С.66.

63 Абрамович Д.И. Указ. соч. - С.64.

64 См. разбор разных точек зрения в указ. статье Н.Н.Воронина.

65 Воронин Н.Н. Указ. соч. - С.50.

66 Воронин Н.Н. Указ. соч. - С.46-56.

67 Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах - С.29-97; Черепнин Л.В. "Повесть временных лет", ее редакция и предшествующие ей летописные своды // Исторические записки.

№ 25. - М.,1948. - С.321.

[68] Абрамович Д.И. Указ. соч. - С.XXII, 168-175.

[69] Абрамович Д.И. Указ. соч. - С.27.

[70] Абрамович Д.И. Указ. соч. - С.XXI.

[71] Воронин Н.Н. Указ. соч. - С.46.